

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.470-480>

<https://elibrary.ru/eigcto>

УДК / UDC 94:316.36

Оригинальная статья / Original article

Законодательное и обычно-правовое регулирование браков и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Ш. Н. Исянгулов

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Уфа, Российская Федерация
isangul-schamil@mail.ru

Аннотация

Введение. В современный период в условиях кризиса института семьи и брака отмечается усиление правового регулирования бракосочетаний и разводов. В связи с этим растет научный интерес к изучению регламентации семейно-брачных отношений со стороны Российского государства в прошлые столетия, в том числе у различных этноконфессиональных групп населения. В данном контексте исследование регулирования брачных и бракоразводных процессов у язычников Уфимской губернии в пореформенный период имеет большое значение – оно во многом позволяет показать не только динамику отечественного законодательства и семейно-брачных обычаях язычников края, но и выявить особенности процесса интеграции части финно-угорских народов в Российское государство. Цель исследования – изучить регулирование бракосочетаний и разводов у язычников Уфимской (до 1865 г. – Оренбургской) губернии в законодательстве Российской империи и обычном праве во второй половине XIX – начале XX в.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе впервые вводимых в научный оборот неопубликованных документов центральных и местных учреждений: департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, канцелярии генерал-губернатора, губернского правления, а также с привлечением Свода законов Российской империи, Полного собрания законов Российской империи. В работе применены такие методы исследования, как историко-генетический, историко-юридический, хронологический, позволившие показать динамику в законодательном регулировании браков и разводов у язычников Уфимской губернии в рассматриваемый период и изменения, произошедшие в обычно-правовой практике данной сферы. На основе сравнительно-исторического метода демонстрируется особый статус язычников в отличие от других конфессий.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлена главенствующая роль обычно-правовых норм в регулировании браков и разводов у язычников, в законодательном плане семейно-брачные отношения язычников Уфимской губернии в пореформенный период регулировались относительно слабо: регламентировался лишь возраст вступления в первый брак юношей и девушек. Вхождение язычников в состав Башкирского войска в 1855 г. предполагало жесткий контроль за их семейной жизнью. В частности, именно военное начальство в кантонный период управления (1855–1865 гг.) давало разрешение на развод, в это же время начался переход к правовому регулированию семейно-брачных отношений у язычников края. В пореформенный период разводы, по предписанию генерал-губернатора, должны были решаться на сельском сходе. На практике решения о разводе при согласии обеих сторон принимал суд стариков, при несогласии – сельский сход. В правовом отношении вплоть до 1917 г. браки и разводы у язычников Уфимской губернии не регулировались: бракосочетание и бракоразводный процесс в основном

© Исянгулов Ш. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

регламентировались не законами, а местными подзаконными актами, часто противоречащими официальному праву. Вмешательство государства в сферу семейно-брачных отношений оставалось минимальным. **Заключение.** Сделанные автором выводы глубже раскрывают политико-правовое положение язычников Уфимской губернии в Российской империи с середины XIX по начало XX в., показывают динамику законодательства и обычно-правовой практики в области семейно-брачных отношений у язычников края. Полученные результаты способствуют дальнейшему изучению политики в отношении семьи и брака у финно-угорских народов края и страны.

Ключевые слова: язычники Уфимской губернии, брачно-семейные отношения, правовое регулирование браков и разводов, марийцы, удмурты

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Исянгулов Ш.Н. Законодательное и обычно-правовое регулирование браков и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):470–480. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.470-480>

Statutory and Customary Law in Governing Marriage and Divorce among Pagan Populations in the Ufa Province from the Mid-19th to the Early 20th Century

Sh. N. Isyangulov

*Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russian Federation
isangul-schamil@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the contemporary context, characterized by a crisis of the institutions of family and marriage, there has been a corresponding intensification of legal governance concerning matrimony and dissolution. This trend has spurred growing scholarly interest in the historical regulation of familial and marital relations by the Russian state in previous centuries, including its application among diverse ethno-confessional populations. Within this framework, an examination of the regulation of marital and divorce proceedings among the pagan communities of the Ufa province during the post-reform period is of considerable significance. Such an investigation offers critical insights not only into the evolution of domestic legislation and local pagan matrimonial customs but also helps to elucidate the distinctive features of the integration process of certain Finno-Ugric peoples into the imperial state structure. The aim of this study is to examine the regulation of marriage and divorce among the pagan population of the Ufa province (before 1865, the Orenburg province) through both imperial Russian legislation and customary law during the late imperial period (second half of the 19th and early 20th centuries).

Materials and Methods. This article is based on previously unpublished documents from central and local institutions, specifically, the Department of Spiritual Affairs of Foreign Faiths of the Ministry of Internal Affairs, the Office of the Governor-General, and the Provincial Administration, which are being introduced into scholarly discourse for the first time. The research also draws upon the Code of Laws of the Russian Empire and the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The study employs research methods such as the historical-genetic, historical-legal, and chronological approaches, which have made it possible to demonstrate the dynamics of the legislative regulation of marriages and divorces among pagans in the Ufa province from the second half of the 19th to the early 20th century, as well as the changes that occurred in the customary legal practices of this sphere. The comparative-historical method was used to illustrate the differences between the status of pagans and that of other confessions.

Results and Discussion. The predominant role of customary law norms in regulating marriage and divorce among pagans has been identified. From a legislative standpoint, the marital and family relations of pagans in the Ufa Province during the post-reform period were regulated relatively weakly: only the age for entering a first marriage for young men and women was subject to regulation. The incorporation of pagans into the Bashkir Host in 1855 implied strict control over their family life. In particular, it was the military command during the cantonal period of administration (1855–1865) that granted permission for divorce. This period also marked the beginning of the transition to legal regulation of marital and family relations among the local pagans. During the post-reform period, divorces, by order of the Governor-General, were to be decided

at a village assembly. In practice, decisions on divorce, with the consent of both parties, were made by a council of elders; in the absence of such consent, the matter was resolved by the village assembly. In legal terms, until 1917, the marriages and divorces of pagans in the Ufa Province remained unregulated by statute: matrimony and divorce proceedings were primarily governed not by laws, but by local by-laws, which often contradicted official law. State intervention in the sphere of marital and family relations remained minimal.

Conclusion. The author's conclusions provide a more profound insight into the politico-legal status of pagans in the Ufa Governorate within the Russian Empire from the mid-19th to the early 20th century, revealing the dynamics of legislation and customary legal practices in the sphere of family and marital relations among the local pagan population. The obtained results contribute to the further study of policy regarding family and marriage among the Finno-Ugric peoples of the region and the country.

Keywords: Pagans of Ufa province, marriage and family relations, legal regulation of marriage and divorce, Mari, Udmurts

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Isyangulov Sh.N. Statutory and Customary Law in Governing Marriage and Divorce among Pagan Populations in the Ufa Province from the Mid-19th to the Early 20th Century. *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):470–480. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.470-480>

Введение

В настоящее время в Российской Федерации проводится активная государственная политика по защите семьи, материнства и детства, традиционных семейных ценностей. В условиях противостояния западным ценностным установкам усиливается роль законодательства в регулировании семейно-брачных отношений, положение семьи и брака в современном обществе требует большей поддержки и внимания со стороны государства. В связи с этим наблюдается рост научного интереса к законодательному и обычно-правовому регулированию брачно-семейных отношений в России, в том числе в дореволюционный период. До 1917 г. данная сфера находилась под жестким контролем со стороны государства и церкви. В исследованиях, посвященных имперскому семейному праву или дореволюционной семье, подробно рассмотрена регламентация бракосочетаний и разводов у православного, мусульманского и иного населения, однако отдельные конфессиоанальные группы, в том числе язычники, в данном контексте остаются малоизученными. Язычники, будучи сторонниками традиционных религиозных верований, относились к категории населения, чья семейная жизнь до 1917 г. находилась в сфере правового регулирования в крайне незначительной степени. Уровень влияния российского законодательства, роль обычно-правовых норм в семейно-брачной сфере языческого населения Уфимской губернии недостаточно разработаны в научной литературе.

Цель исследования – изучение законодательного и обычно-правового регулирования брачных и бракоразводных процессов у язычников Уфимской (до 1865 г. – Оренбургской) губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Обзор литературы

Дореволюционные исследователи значительное внимание уделяли брачно-семейным обычаям язычников Уфимской губернии. Ценные сведения содержатся в работах В. М. Черемшанского, И. М. Казанцева, И. Н. Смирнова, В. И. Филоненко, У. Холмберга и др., в которых можно обнаружить данные о роли общины, суда стариков (шаригатчиков) в брачных и бракоразводных делах у язычников. В частности, суд стариков производил развод, определял возможность женитьбы младшего брата на вдове старшего. Также ученые обращали внимание на такие специфичные явления, как распространенность полигамии, умыканий, левирата, сорората, ранних

браков у юношей и поздних – у девушек и др.¹ Однако в дореволюционных работах практически нет информации о регулировании браков и разводов у язычников на законодательном уровне.

В этнографических работах советского и постсоветского периодов прежде всего изучались традиционные семейные обряды и обычаи. Вопросы регулирования бракосочетаний и разводов в обычном праве язычников также получили определенное освещение. В первую очередь отмечалась роль общины в семейных делах².

В последние годы исследователи вновь обратили внимание на особенности бракосочетаний и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [1; 2]³. Так, работы Д. Н. Миграновой по брачности язычников основаны на обработке метрических книг [3–5]. Ряд авторов освещает этнографические особенности обычно-правового регулирования браков и разводов у финно-угорских народов, в том числе и у язычников [6–8]. В постсоветский период увидели свет работы, посвященные анализу брачно-семейного законодательства Российской империи [9], однако в них язычникам уделяется недостаточное внимание. По мнению современных исследователей, язычество в Российской империи «почти совсем не регулировалось государством»⁴ [10; 11]. Таким образом, вопросы вмешательства государства в брачно-семейную сферу языческого населения, в том числе Уфимской губернии, в пореформенный период остаются малоизученными.

В настоящей статье рассматривается регулирование бракосочетаний и разводов у язычников Уфимской губернии в законодательстве Российской империи и обычном праве во второй половине XIX – начале XX в. Для достижения данной цели необходимо изучить законодательство, регулирующее бракосочетания и разводы у язычников Уфимской губернии; исследовать локальное своеобразие брачных и бракоразводных обычаев язычников.

Материалы и методы

В качестве источников в работе использованы Свод законов Российской империи, Полное собрание законов Российской империи, неопубликованные циркуляры, предписания центральных учреждений: департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, рапорты местных органов – канцелярии генерал-губернатора, губернского правления и др.

Комплекс источников, касающийся брачно-семейной сферы язычников, отложился в архивах за вторую половину 1850-х – первую половину 1860-х гг., когда с 1855 по 1865 г. тетяри⁵ входили в состав Башкирского войска⁶. В этот период семейная

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбургского губернского правления; 1859. С. 189–191; Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»; 1866. С. 73–76; Смирнов И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та; 1889. С. 121–145; Смирнов И.Н. Ботяки: историко-этнографический очерк. В: Известия Общества ареологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Т. 8, вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та; 1890. С. 128–172; Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии. *Этнографическое обозрение*. 1894;(3):34–53; Филоненко В. Погребальные и свадебные обряды черемис Уфимской губернии. *Вестник Оренбургского учебного округа*. 1912;(2):36–42; Садиков Р.Р., Хафиз К.Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН; 2010. С. 79–82; Свадебные обряды марийцев: сб. мат-лов. Сост. О. А. Калинина. Иошк-Ола; 2021. С. 361–382.

² Никитина Г.А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 1993. 160 с.; Шитова С. Марийцы. В кн.: Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем; 2002. С. 371.

³ Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: Первая типография; 2016. 276 с.

⁴ Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и авт. М.: Новое литературное обозрение; 2012. С. 20.

⁵ Тетяри – особая сословная группа, куда входили марийцы и удмурты-язычники.

⁶ В 1798–1865 гг. для башкир и мишарей в Оренбургской губернии и ряде соседних губерний существовала кантонная (военная) форма управления, было создано Башкиро-мешерякское войско, преобразованное в 1855 г. в Башкирское войско. В том же году на военное положение были переведены и тетяри.

жизнь населения, переведенного на военное положение, находилась под жестким административным контролем. В связи с этим потребовалось определенное изучение семейно-брачных отношений у тептярей-язычников. Следующий комплекс архивных источников относится к середине 1880-х гг., когда обнаружились правовые пробелы в семейно-брачном законодательстве Российской империи относительно язычников. Ряд центральных учреждений, прежде всего Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, а также Уфимское губернское правление, обсуждал необходимость юридического регулирования бракосочетаний и разводов у язычников. Данные документы впервые вводятся в научный оборот.

В исследовании используются специальные исторические методы: историко-юридический, историко-генетический, хронологический, позволившие проследить изменения в регулировании браков и разводов у язычников края в законодательстве и обычно-правовой практике с середины XIX по начало XX в.; сравнительно-исторический, применение которого предполагает сравнение язычников с положением других конфессий; а также универсальные методы (анализ, синтез, обобщение и др.).

Результаты исследования и их обсуждение

В дореволюционный период в Уфимской (до 1865 г. – Оренбургской) губернии традиционную языческую веру сохраняли прежде всего марийцы и удмурты, а также незначительное число чувашей. По материалам Всеобщей переписи 1897 г., 98,5 % населения, придерживающегося остальных нехристианских исповеданий в Уфимской губернии, составляли представители финно-угорских народов, в том числе марийцы – 77,2 %, удмурты – 21,3 %. Более 85 % язычников проживало в Бирском уезде (83,7 тыс. чел.). В Белебеевском, Мензелинском, Стерлитамакском и Уфимском уездах большинство язычников также составляли марийцы. В Златоустовском уезде язычников не было⁷. В 1886 г. в губернии насчитывалось 92,9 тыс. чел. язычников (4,8 % от всего населения), к началу 1915 г. – 134,5 тыс. (4,1 %)⁸. По удельному весу язычников во всем населении Уфимская губерния занимала уникальное положение, являясь самым языческим регионом в Европе⁹.

Как известно, семейно-брачные отношения в дореволюционный период в Российской империи регламентировались нормативными актами, вошедшими в первую книгу X тома Свода законов «Законы гражданские». Их изучение и анализ позволяет сделать вывод о том, что они намного меньше касались языческого населения, чем представителей других конфессий. В частности, ст. 90 вышеуказанной книги звучала так: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства»¹⁰. Таким образом, брак у язычников регламентировался их традиционными обычаями и обрядами.

В 1855 г. языческое население Оренбургской губернии, относившееся к сословию тептярей, вошло в Башкирское войско. Генерал-губернатор Оренбургской губернии в своем отчете императору за 1855 г. предлагал для язычников распространить ст. 93 «Законов гражданских» издания 1842 г. (ст. 91 издания 1857 г. и последующих лет), запрещающую вступать в брак мусульманам и евреям до достижения женихом 18, а невестой 16 лет. Александр II на данном пункте отчета поставил вопрос: «Что по сему представленного предполагается решить?» Кроме распространения действия ст. 93 на

⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Тип. М. Д. Ломковского; 1904. С. 44–57.

⁸ Обзор Уфимской губернии за 1886 год. Уфа: Тип. губернского правления; 1887. С. 23; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа: Губернская Электрическая типография; 1916. С. 8.

⁹ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Уфа: Гилем; 2007. Т. 2. С. 41.

¹⁰ Свод законов Российской империи (в издании 1857 года). Т. X. Ч. I. Законы гражданские. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии; 1857. С. 18.

язычников, генерал-губернатор для определения возраста брачующихся предполагал также введение метрических книг для данной категории населения¹¹. Метрические книги действительно были введены в 1857 г.¹² [1], однако в законодательстве никаких изменений по поводу брачного возраста и вообще бракосочетания у язычников Уфимской губернии вплоть до 1917 г. не появилось. Очевидно, власть в данной сфере руководствовалась ст. 3 «Законов гражданских». Несмотря на то, что она была помещена в первой главе, касающейся лиц православного исповедания, пункт 3б подтверждал, что возрастные ограничения брачного возраста (18 для жениха и 16 для невесты) касались практически всего населения империи, за исключением «природных жителей» Закавказья¹³. Об этом, в частности, свидетельствует и рапорт командующего Башкирским войском Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору от апреля 1864 г.¹⁴ [4].

В кантонный период управления (1798–1865 гг.) семейная жизнь башкир и мишарей, мусульман по вероисповеданию, находилась под жестким контролем военных властей: юртовых старшин, кантонных начальников, попечителей, наконец, командующего Башкирским войском. Прежде всего он давал специальные разрешения мусульманам на полигамные бракосочетания [2]. Можно предположить, что такие же разрешения на полигамные браки давало военное начальство с 1855 г. и язычникам, однако документов, подтверждающих это, не обнаружено. Известно, что допускаемые традицией многоженство и развод сами язычники считали исконно народными обычаями, отличающими их в первую очередь от православного населения и служащими, по мнению самих язычников, определенным препятствием для перехода в православие¹⁵.

Брачные обычаи язычников к середине XIX в. кратко могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) у марицев и удмуртов имело место многоженство, но оно было мало распространено; 2) браки между кровными родственниками (экзогамия) не допускались; 3) иногда встречалась женитьба «на двух родных сестрах не только после смерти одной из них, но и при жизни обеих» (сорорат и сороральная полигамия); 4) бытовал левират: женитьба младшего брата на вдове старшего, старший же брат не мог жениться на вдове младшего; 5) браки совершались «без всяких религиозных обрядов»; 6) существовала плата за невесту (кальм)¹⁶. Эти обычай сохранялись и в пореформенный период¹⁷.

Таким образом, бракосочетания у язычников Оренбургской (Уфимской) губернии имперским законодательством практически не регламентировались, они совершались согласно традиционным народным обычаям и обрядам.

Несколько иная ситуация складывалась в сфере бракоразводов. С переходом тептярей на военное положение (с 1855 по 1865 г.) контроль за процессом разводов у язычников губернии осуществлялся юртовыми старшинами и попечителями кантонов. С введением «Положения о башкирах» от 14 мая 1863 г. бракоразводные дела решал сельский сход, при имущественных спорах разводящихся – волостной суд и общие судебные места¹⁸. При этом, согласно «Положению о башкирах», данного права у сельского схода не было¹⁹, разрешение на решение бракоразводных дел у язычников ему дал Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А. П. Безак²⁰.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 8. Д. 1826. Л. 1–2; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 1.

¹² Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 2.

¹³ Свод законов Российской империи (в издании 1857 года). Т. Х. Ч. I. Законы гражданские. С. 1.

¹⁴ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 3 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 5 об.

¹⁶ Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. Ф-167. Оп. 1. Д. 34. Л. 3 об., 7; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 5 об.; НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 2–2 об.

¹⁷ Смирнов И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. С. 121–145; Смирнов И.Н. Вотяки: историко-этнографический очерк. С. 128–172.

¹⁸ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 4 об. – 5.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отделение 1. 1863 г. Ч. 2. Ст. 39622. СПб.: Тип. II отделения собственной его императорского величества канцелярии; 1866. С. 447.

²⁰ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 6.

На практике в разных уездах губернии ситуация с разводами складывалась неодинаково. Наиболее архаичные обычай бракоразводов в 1880-е гг. были зафиксированы в населенных пунктах Бирского уезда, входящих в первый полицейский стан. Здесь в случае, если инициатором развода являлся муж, он мог прогнать жену из дома и объявлял об этом однообщественникам. Было возможно, что в таком случае муж уже считался разведенным. Жена, «пожелавшая развода», тайно уходила от мужа к родителям. С тех пор супруги считались в разводе²¹. Никаких специфических обрядов религиозного характера не существовало, влияние общины и соседей ощущалось слабо.

В Белебеевском, Бирском, Мензелинском, Стерлитамакском уездах губернии первоначально дело разбирали старики (медиаторы) – по три человека с каждой стороны; обычно присутствовал и сельский староста. Старики пытались примирить супругов. Во втором стане Бирского уезда сельский староста в состав третейского суда из шести человек вводил еще одного. Этот суд выносил решение о разводе, определял, в каком размере и когда муж должен вернуть приданое жене, а жена с родственниками – выплаченный за нее калым мужу, также суд постановлял, с кем должны остаться дети. Во втором и четвертом станах этого же уезда при отсутствии согласия мужа на развод (если инициатором являлась жена), она уходила от мужа ни с чем. Если же в аналогичной ситуации развода требовал муж, то он должен был предоставить ей отдельную квартиру и содержать за свой счет. В данном случае он имел право жениться на другой, но бывшая жена выйти замуж не могла. Сыновья оставались с отцом, дочери – с матерью²².

В Белебеевском уезде суд старииков предоставлял право несогласной стороне взять в виде вознаграждения имущество супруга – инициатора развода. Нередкими были случаи, когда инициатор развода оставлял все имущество супругу, при этом у мужа могли остаться дочери, а у жены – сыновья. Развод оформлялся в письменном виде, с подписями не только разводящихся, но и судей, а также сельского старосты. При этом сельский сход дело не рассматривал²³. По нашему мнению, в данном случае языческий обычай испытывал очевидное влияние шариата – мусульманского права. Как известно, у мусульман при разводе по инициативе жены она выплачивала мужу вознаграждение из своего имущества²⁴. Однако у язычников Белебеевского уезда не только жена оставляла мужу все свое имущество, но и наоборот, муж отдавал жене свою собственность, чего не было у мусульман края.

При несогласии одного из супругов на развод дело обычно передавалось на решение сельского схода. В Уфимском уезде и пятом стане Бирского уезда суд старииков не получил распространения, здесь дело с самого начала бракоразводного процесса вел сельский сход. Если сельское общество состояло из лиц разного вероисповедания, то обычно на сельском сходе принимали участие только язычники. Более того, в третьем стане Бирского уезда в многонациональных общинах сельские сходы собирались только однонациональные. Так, если разводящиеся – марийцы, то на сельском сходе принимали участие только язычники-марийцы, а язычники-удмурты (однообщественники) не участвовали, как и наоборот²⁵. В Мензелинском уезде решение сельского схода о разводе считалось окончательным и обжалованию не подлежало²⁶.

Ритуал расторжения брака у марийцев середины XIX в. заключался в символическом разрыве полотенца на две части. Согласно этнографическим описаниям, разводящихся

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 16–16 об.

²² Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14–19 об.

²³ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 15 об. – 16.

²⁴ Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап; 1997. С. 72.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14–14 об., 15, 18, 19.

²⁶ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 15.

супругов ставили спинами друг к другу, после чего посредник (медиатор) разрывал полотенце, которое они держали; «при этом разводящиеся должны толкнуть ногами друг друга и разойтись, не оглядываясь, в разные стороны». У удмуртов-язычников обычай был иным: медиатор разрывал полотенце без дополнительных действий супругов²⁷.

В 1880-е гг. в Уфимском уезде после решения сельского схода один из жителей давал в руки супругов концы полотенца и разрезал его ножом пополам²⁸. В Мензелинском уезде после постановления суда «посредников» обряд развода исполняло «местное духовное лицо», «разрывая на две части полотенце», одна часть которого отдавалась мужу, другая – жене. Развод записывался в метрическую книгу²⁹.

После объявления развода жена, согласно обычаям удмуртов-язычников, не могла войти в дом бывшего мужа, а ее имущество при медиаторах выбрасывалось на улицу³⁰.

Таким образом, у язычников Уфимской губернии в пореформенный период бракоразвод производился с небольшими местными отклонениями по двум сценариям: 1) если оба супруга были согласны на развод, то его рассматривал третейский суд (суд стариков); 2) если развод инициировал только один из супругов, то его рассматривал сельский сход. При имущественных спорах дело могло дойти до волостного суда и общих судебных мест.

Уфимский уездный исправник доносил, что «расторжение браков у язычников бывает очень редко, почему и определенных правил ими не выработано»³¹. Разнообразие народных обычаяев, касающихся бракоразвода, отсутствие «правил» порядка расторжения браков у язычников в имперском законодательстве вызывали затруднения в повседневной деятельности местных властей. В силу этого в 1885 г. уфимский губернатор обратился в департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД за разъяснениями. В столице слабо разбирались в особенностях языческого вероисповедания у марицев и удмуртов губернии. По мнению департамента, ст. 90 «Законов гражданских» (вступление в брак по местным обычаям без участия гражданских властей) вполне разумно распространить и на другие семейные дела, в данном случае на бракоразводы. Так как у других язычников, в частности у буддистов (ламаистов), брачно-семейные дела решало высшее духовное лицо – лама (согласно ст. 1260 ч. 1 т. 11 «Свода законов»), то департамент склонялся к распространению этой практики и на язычников Уфимской губернии. Учитывая, что по «Положению о башкирах» от 1863 г. сельскому сходу не было предоставлено право решения бракоразводных дел, департамент посчитал, что распоряжение Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А. П. Безака от 1864 г. «лишено достаточного законного основания». В связи с этим Министерство внутренних дел высказалось так: «дела о расторжении браков между язычниками подлежат ведению духовенства без всякого участия в разрешении оных как гражданского начальства, так и сельских сходов»³². Однако МВД не учло, что у язычников губернии духовенство как таковое практически отсутствовало³³.

Согласно источникам, и в конце XIX в. бракоразводные дела у язычников по-прежнему рассматривал суд стариков (шаригатчиков), а не представители духовенства³⁴. Брачно-семейные отношения язычников решались на основе традиционных обычаяев в рамках общины. Данная ситуация в начале XX в. начала

²⁷ ОГАОО. Ф. Ф-167. Оп. 1. Д. 34. Л. 4, 7.

²⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14–14 об.

²⁹ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14 об. – 15.

³⁰ ОГАОО. Ф. Ф-167. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

³¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14 об.

³² Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 5–6 об.

³³ Там же. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 1 об. – 2.

³⁴ Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). С. 256–258.

вызывать у современников определенные опасения. Так, один из корреспондентов газеты «Уфимские губернские ведомости» в 1905 г. признавался, что брачные и бракоразводные дела у язычников находятся в «хаотическом» состоянии. Он отмечал, что у язычников Уфимской губернии в семейно-брачной сфере «нет никаких руководящих данных», в отличие от мусульман, придерживающихся шариата. Типичными случаями при разводе у язычников, по мнению корреспондента с инициалами Л. Ч., были следующие: если оба согласны на развод, «супруги удаляются в другую избу, а шаригатчики, обсудив мотивы развода, приступают к разделу имущества между супругами, причем каждая сторона отстаивает свои интересы и очень часто шаригатчики доходят до такого азарта, что вступают между собой в драку, тогда сельский староста разгоняет всех» и дело об имуществе поступает на разрешение волостного суда. В случае же несогласия мужа на развод, жена уходит к «деревенскому начальнику» или сотскому, «который обязан заботиться о ее пропитании, помещает ее сегодня к одному домохозяину, завтра к другому и т. д., пока черед не дойдет опять до первого». Переход «мирской вдовы» от одного дома к другому продолжался нередко достаточно долгое время, «наконец, общество, тяготясь этой лишней обузой, выходит из терпения и начинает требовать от мужа развода, грозит возложить на него убытки по содержанию его жены и в заключение составляет приговор о разводе». Были возможны случаи неподчинения мужа решению сельского схода. Тогда жена оказывалась в еще худшем положении: спасалась бегством без средств к существованию и без детей. Дело в том, заключал корреспондент, что «право схода не санкционировано законом, а потому условий и может быть не признано». По его мнению, вновь учрежденная Государственная Дума в своей деятельности должна была обратить внимание на пробелы в законодательстве семейно-брачной сферы у марицев и удмуртов Уфимской губернии: «Необходимо изменить и упорядочить ненормальную постановку бракоразводных дел язычников»³⁵. Однако Государственная Дума вплоть до 1917 г. не внесла в данную область никаких изменений [7; 8].

Таким образом, брачные и бракоразводные дела у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в правовом отношении оставались недостаточно регламентированными. В законодательстве бракосочетание у язычников регулировалось не специальными, а лишь общими для нескольких исповеданий статьями, а разводы – только местными подзаконными актами, нередко противоречащими общепринятым юридическим нормам. В целом семейно-брачные отношения у язычников строились согласно народным обычаям и обрядам.

Заключение

Семейно-брачные дела у язычников Оренбургской (затем – Уфимской) губернии слабо регулировались имперским законодательством. Вопрос контроля над данной сферой возник после того, как тептяри-язычники в 1855 г. вошли в состав Башкирского войска и стали на короткое время военным сословием. Семейная жизнь башкир и мишарей (мусульман по вероисповеданию) в кантонный период управления находилась под жестким контролем военных властей. Общие для всех правовые нормы, касающиеся возраста жениха и невесты (что потребовало введения метрических книг), распространились и на язычников. В целом и в кантонный, и в пореформенный период браки у них совершались согласно народным обычаям и традициям.

В кантонный период разрешение на развод язычникам предоставляло военное начальство, впоследствии эти компетенции перешли к сельскому сходу, что было определено не законом, а предписанием Оренбургского генерал-губернатора. На практике в 1860–1880-е гг. бракоразводные дела у язычников рассматривал либо

³⁵ Л. Ч. Не забудьте о язычниках. *Уфимские губернские ведомости*. 1905;(211):2–3.

суд стариков (если оба супруга были согласны на развод), либо сельский сход (если один из супругов был против), при спорных случаях – волостной суд и общие судебные учреждения. В середине 1880-х гг. была предпринята попытка правового урегулирования разводов у язычников, однако решение департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД о передаче рассмотрения бракоразводного процесса язычников духовенству не было удачным и не могло быть исполнено. Вплоть до 1917 г. разводы по-прежнему производились решениями суда стариков и сельского схода. Между тем право сельского схода на решение дела о разводе супругов так и не было санкционированным и являлось таким образом незаконным.

В силу редкости и спорного характера разводы у язычников (в отличие от бракосочетаний) Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. регулировались региональными подзаконными актами. Отмечалось возрастание степени вмешательства сельского схода и сельской администрации в бракоразводные дела. Процесс регламентации семейно-брачных отношений у язычников края со стороны государства, активизировавшийся в 1850-е гг., до 1917 г. не был завершен и оставался нерешенным.

Таким образом, исследование динамики законодательства в области семейно-брачных отношений у язычников края и обычно-правовой практики позволяет углубить научные знания и представления об уровне интеграции данной части финно-угорских народов в Российское государство во второй половине XIX – начале XX в., а также полнее раскрыть особенности политico-правового положения язычников Уфимской губернии в Российской империи в рассматриваемый период. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем изучении развития семьи и брака у финно-угорских народов страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исянгулов Ш.Н. Разводы у язычников Уфимской губернии в пореформенный период. *Проблемы востоковедения*. 2022;(2):27–34. <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2022-2-27-34>
2. Исянгулов Ш.Н. Полигамные браки мусульман и язычников в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2024;(4):157–168. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.11>
3. Мигранова Д.Н. Брачные союзы татарей-язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: анализ возрастной динамики. *Проблемы востоковедения*. 2024;(4):55–62. <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2024-4-55-62>
4. Мигранова Д.Н. Введение метрических книг среди языческого населения Оренбургской губернии. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2024;52(3):21–29. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-3-21-29>
5. Мигранова Д.Н. Сезонная динамика брачности и рождаемости языческого населения Оренбургской губернии в первой половине XIX века по материалам метрических книг. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2025;35(1):65–72. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-1-65-72>
6. Аминов И.И., Дедюхин К.Г., Усиевич А.Р. Правовое регулирование семейно-брачных отношений удмуртов в Российской империи. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право*. 2015;25(5):78–85. <https://elibrary.ru/umnaib>
7. Сушкива Ю.Н. Брачно-семейные обычая финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.). *Финно-угорский мир*. 2022;14(1):87–99. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99>
8. Михайлова-Енькка Е.В. Обычаи развода у чuvашей и финно-угорских народов Волго-Уралья по источникам XVI–XIX вв.: этнографический аспект. *Кунсткамера*. 2024;(3):189–206. URL: <https://clck.ru/3PR3YK> (дата обращения: 22.02.2025).
9. Гончаров Ю.М. Регламентация расторжения брака по российскому законодательству XIX – начала XX в. *Алтайский юридический вестник*. 2018;(1):13–18. <https://elibrary.ru/xptsv>
10. Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века). *Христианское чтение*. 2013;(1):39–113. <https://elibrary.ru/rudeir>
11. Амбарцумов И.В. Вопрос о межконфессиональных браках в правительстве Столыпина, Святейшем Синоде и Государственной Думе (1906–1909). *Гуманитарный научный вестник*. 2017;(1):4–23. <https://elibrary.ru/xvneiz>

Информация об авторе:

Исянгулов Шамиль Наилевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (450054, Российская Федерация, г. Уфа, пр-т. Октября, 71), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, SPIN-код: 4515-4143, isangul-schamil@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.05.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принятка к публикации 01.09.2025.

REFERENCES

1. Isyangulov Sh.N. Divorces among Pagans of the Ufa Province in the Post-Reform Period. *The Problems of Oriental Studies*. 2022;(2):27–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2022-2-27-34>
2. Isyangulov Sh.N. Polygamous Marriages of Muslims and Pagans in Ufa Province in the Second Half of the XIX – Early XX Century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2024;(4):157–168. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.11>
3. Migranova D.N. Marriage Unions of Pagan Teptyars of the Ufa Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Analysis of Age Dynamics. *The Problems of Oriental Studies*. 2024;(4):55–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2024-4-55-62>
4. Migranova D.N. The Introduction of Metric Books among the Pagan Population of the Orenburg Province. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2024;52(3):21–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-3-21-29>
5. Migranova D.N. Seasonal Dynamics of Marriage and Birth Rates of the Pagan Population of the Orenburg Province in the First Half of the 19th Century According to Metric Books. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2025;35(1):65–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-1-65-72>
6. Aminov I.I., Dedyukhin K.G., Usievich A.R. Legal Regulation of Family and Marital Relations in Udmurtia during the Period of Russian Empire. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: Economics and Law*. 2015;25(5):78–85. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/umnaib>
7. Sushkova Iu.N. Marriage and Family Customs of the Finno-Ugric Peoples of the Volga Region: Legal and Anthropological Analysis (Late XIX – Early XX Century). *Finno-Ugric World*. 2022;14(1):87–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99>
8. Mikhailova-En'kka E. Divorce Customs of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples of the Volga-Ural Region According to the Sources of the 16th–19th Centuries: Ethnographic Aspect. *Kunstkamera*. 2024;(3):189–206. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3PR3YK> (accessed 22.02.2025).
9. Goncharov Yu.M. The Reglementation of Divorce According to the Russian Legislation of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries. *Altai Law Journal*. 2018;(1):13–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xptsjv>
10. Ambartsumov I.V. [Problems and Conflicts of Marriage Law in the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Century)]. *Christian Reading*. 2013;(1):39–113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rudeir>
11. Ambartsumov I.V. The Issue of Interfaith Marriages in Stolypin's Government, the Holy Synod and the State Duma (1906–1909). *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2017;(1):4–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xvneiz>

Information about the author:

Shamil N. Isyangulov, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71 Oktyabrya Prospekt, Ufa 450054, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, SPIN-code: 4515-4143, isangul-schamil@mail.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.05.2025; revised 25.08.2025; accepted 01.09.2025.